

УДК 821.161.1 – 09 Чехов А.П.
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-68-75

ИНДИВИДУУМ И СЕМЬЯ В РАССКАЗЕ А.П. ЧЕХОВА «ИОНЫЧ» (К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ РОМАННОГО НАЧАЛА)

Кеклюдже Н.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается жанровое своеобразие рассказа А.П. Чехова «Ионыч» во взаимодействии с традициями жанра романа. С помощью анализа сюжетно-композиционных особенностей рассказа, особенностей изображения личности главного героя и его взаимодействия с социумом сделаны выводы о том, что Чехов строит историю развития личности по романной схеме, однако лаконичная форма рассказа позволяет максимально выделить наиболее значительные психологические и философские проблемы произведения. Образ семьи в рассказе становится одним из средств такой концентрации проблематики. Во взаимодействии с семьёй Туркиных как моделью уездного городского общества и происходит деформирование образа героя в соответствии со схемой «от Старцева к Ионычу», а также в полемике с нею.

Ключевые слова. А.П. Чехов, рассказ, роман, жанровая традиция, поэтика повествования, проблема семьи.

SHORT STORY “IONYCH” (ON THE TRANSFORMATION OF THE NOVEL)

N. Kokluce

*Moscow Region State University
10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The article discusses the genre originality of the Chekhov's story «Ionych» in interaction with the traditions of the genre of the novel. Through the analysis of plot and compositional features of story, image of the personality of the main character and his interaction with society conclusions are drawn that Chekhov builds the history of the development of personality in the novel scheme, however, the concise form of the story allows to identify the most significant psychological and philosophical problems of the work. The image of the family in the story becomes one of the means of such concentration issues. In the interaction with the Turbins as a model of county-level urban society happens the deformation of the image of the character in accordance with the scheme “from Startsev to Ionych”, as well as in the dispute with it.

Key words. Anton Chekhov, short story, novel, genre tradition, the poetics of narrative, the problem of the family.

Вопрос о жанровой специфике рассказов А.П. Чехова волновал исследователей с первых критических отзывов о творчестве писателя и продолжает волно-

вать современных литературоведов. В работах М. Громова [2], В.Б. Катаева [4], Т.Б. Зайцевой [3, с. 705–710], Н.О. Осиповой [7, с. 133–138], С.В. Савинкова [8, с. 575–597], А.М. Чудакова [14], И.Н. Сухих [9], С.О. Ужеговой [10, с. 99–104], Л.Е. Бушканец [1, с. 162–168], М. Фрайзе [11] и др. неоднократно ставились вопросы, что такое чеховский рассказ как своеобразная жанровая форма, каким образом он сложился на фоне той историко-литературной традиции, которой он следовал, в чём состояла специфика «чеховского» начала в произведениях писателя.

Предметом данной статьи будет жанровое своеобразие чеховского рассказа 1890-х гг. и влияние этой жанровой специфики на развитие проблемно-тематической сферы произведения. В качестве последней избрана тема семьи – критически важная как для Чехова лично (не случайно биографы многократно отмечали сложную семейную историю Чехова [2, с. 15–25]), так и для его героев, формирование личности которых, сама их судьба глубоко зависят от специфики влияния семьи на их жизнь.

В истории русской литературы XIX в. сложилась устойчивая традиция рассматривать семью и её влияние на судьбу личности в жанре романа. Основы такого изображения закладывались уже в произведениях А.С. Пушкина, и прежде всего в романе в стихах «Евгений Онегин», развивалась традиция в прозе И.А. Гончарова, И.С. Тургенева. Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и др. При этом семья оценивалась и как начало, которое формирует личность, и как символ власти традиции, в борьбе с которой

человек может отстаивать свою идентичность, и как цель жизненных исканий – достижимая или недостижимая [5, с. 181–186]. Таким образом, линия «индивидуум – семья» оказывалась своеобразным воплощением более общих закономерностей взаимодействия личности и общества, постижение которых и было главной задачей реалистического социально-психологического романа.

Попробуем с этой точки зрения рассмотреть один из известнейших рассказов А.П. Чехова «Ионыч», внимание к которому по традиции возникает и в общих обзорах чеховского творчества, и в отдельных статьях [6, с. 136–142]. Этот рассказ – яркий пример одной из важных тенденций в творчестве писателя 1890-х – начала 1900-х гг. Её можно обозначить как тяготение произведений к романному началу – при том, что краткость и ёмкость жанровой формы рассказа в этом случае не только сохраняется, но и приобретает особую убедительность (таковы, например, рассказы «Душечка», «Дама с собачкой», «Человек в футляре», «Дом с мезонином», «О любви», «Крыжовник» и др.). Их особенность видится в том, что краткая форма рассказа вмещает в себя значительный период жизни героев, иногда – практически всю жизнь от юности до наступающей старости, причём главным предметом художественного осмысления оказывается постепенная личностная деградация героя, причиной которой становится та отупляющая, разрушающая личность «школа жизни», которую он проходит на протяжении повествования. По определению Л.Е. Бушканец, рассказ «Ионыч» может быть соотнесён с такой моделью

«романа воспитания», где герой формируется под влиянием обстоятельств, событий, окружающей обстановки, а не уроков и советом «ментора» [1, с. 162–163]. Такая модель «школы жизни», как правило, предполагает путь героя вне семейного окружения (либо вследствие трагических обстоятельств утраты семьи, либо вследствие конфликта и ухода героя из родительского дома, когда именно такой уход становится завязкой сюжета, либо реже, как у Ф.М. Достоевского, – «случайности» самого семейства, которое не может быть защитной благотворной средой и само выталкивает героя на «дорогу жизни»). В этом смысле не случайно, что главный герой рассказа «Ионыч», доктор Дмитрий Ионыч Старцев, с самого начала лишён семьи; он оказывается в городе Дялиже в совершенном одиночестве, и дальнейшее формирование этого пока не сложившегося юного человека происходит под действием внешних обстоятельств.

При этом сам рассказ начинается именно с заявки семейной темы и указания на семейство Туркиных: «Когда в губернском городе С. приезжие жаловались на скуку и однообразие жизни», им указывали именно на «умные, интересные, приятные семьи, с которыми можно завести знакомства», а также на семью Туркиных «как на самую образованную и талантливую» [13, с. 315]. В экспозиции рассказа, ещё до появления образа главного героя, слово «семья» повторяется несколько раз, притом Чехов называет Туркиных именно «семьёй», не фамилией во множественном числе, подчёркивая, что, вступая в общение с ними, человек погружается именно в семейный круг, общение с которым оказывается

своеобразной «визитной карточкой» города, и в хорошем, и в дурном: в экспозиции семья Туркиных характеризуется как самая умная и талантливая, впоследствии же, подводя итоги своего общения с этой семьёй, Старцев будет размышлять, «что если самые талантливые люди во всём городе так бездарны, то каков же должен быть город...» [13, с. 331].

Изначально исследователи, начиная с Д.Н. Овсяннико-Куликовского, посвятившего рассказу «Ионыч» один из «Этюдov о творчестве А.П. Чехова», замечали, что сюжетная схема этого произведения не так проста. Читатель ожидает от него развития героя в соответствии со схемой «среда заела», однако происходит что-то совсем другое: и Старцев изначально далёк от идеала чистой, романтической натуры, и «среда» города С. отнюдь не вызывает у него желания бунтовать, и наконец, момент, когда он становится собственно «Ионычем», то есть равнодушным, «заплывшим жиром», жестоким человеком, парадоксально воспринимается не как капитуляция, а напротив, «бунт», хотя и очень необычный: «все его отношения к обществу являются произвольным, ненарочитым выражением какого-то подobia “борьбы” с ним или, лучше. Не борьбы, а только протеста, и притом такого, который никоим образом не может быть подведён под шаблонное представление о “свежем” человеке с возвышенными чувствами и благородными стремлениями, выступающем против пошлости и грубости нравов “среды”» [12, с. 492]. В этом рассказе «всё навыворот» [12, с. 492], это рассказ-загадка, одним из путей разрешения которой и представляется анализ его жанрового

своеобразия «на фоне» романной традиции.

Сама композиция рассказа представляется подобной роману: пять частей произведения раскрывают ключевые точки жизненной истории главного героя – юность, зарождение любви, попытка семейного счастья, начало личностной деградации и, наконец, старость души и гибель человеческого в человеке. Эти события могли стать сюжетной схемой романа, однако своеобразие чеховской мысли в данном случае оказывается в том, что эти обстоятельства словно «спрессовываются». Приёмом, с помощью которого достигается этот эффект, становится изображение общения Старцева с семьёй Туркиных, которая в данном случае становится своеобразным символом социума в самом широком смысле; столкновение и взаимодействие с ним и формирует (а точнее, деформирует) личность героя.

В данном случае семья – не просто «ячейка общества», в чеховской логике она предстаёт как воплощение культуры всего современного общества, и, если эта «культура» оказывается несостоятельной, читатель неизбежно делает вывод о несостоятельности всего общества. Это культура, из которой ушёл подлинный «дух», – поэтому шутки Ивана Петровича не имеют истинной весёлости, романы Веры Иосифовны – подлинно творческого начала, а музыка Катерины Ивановны (Котика) не трогает сердца. Начиная общение с этой семьёй, Старцев стремится к подлинной культуре, изяществу, красоте («после зимы, проведённой в Дялиже, среди больных и мужиков, сидеть в гостиной, смотреть на это молодое, изящное и, вероятно, чистое существо

и слушать эти шумные, надоедливые, но всё же культурные звуки, – было так приятно, так ново ...» [13, с. 318]).

Выражением этого и становится влюблённость героя в Катерину Ивановну и его готовность идти ночью на кладбище, и надежда на возможность семейного счастья. Кульминацией в этом порыве Старцева к истинной жизни становятся ощущения героя на кладбище в ходе несостоявшегося свидания: удивительно пронизанное светом, оно притягивает Старцева именно своей новизной, как «то, что он видел теперь в первый раз в жизни и что, вероятно, больше уже не случится видеть» [13, с. 322]. Это совершенно другой мир, «не похожий ни на что другое», он «хорош», «мягок», он есть колыбель света, и во всём здесь «чувствуется присутствие тайны, обещающей жизнь тихую, прекрасную, вечную» [13, с. 322].

Культура как духовное начало человеческого бытия является именно здесь; семейство Туркиных в лице Катерины Ивановны «обещало» это Старцеву, но не могло сдержать этого обещания, и потому знаками постепенной капитуляции становятся переданные как несобственно-прямая речь мысли героя: «Ох, не надо бы полнеть!..» [13, с. 323], «А приданого они дадут, должно быть, немало» [13, с. 324], «Сколько хлопот, однако!» [13, с. 326], «А хорошо, что я на ней не женился» [13, с. 329]. Его растущая замкнутость, раздражительность, охлаждение к Туркиным и особенно к Катерине Ивановне оказывается следствием не только постепенного расставания с юностью, но и следствием разочарования в семье, олицетворявшей для героя культуру современного ему общества.

Романное начало в этом чеховском рассказе раскрывается не только в сюжетной схеме, но и в своеобразных авторских размышлениях об этом. Они появляются в основном в ироническом контексте: романы пишет Вера Иосифовна, и их главная характеристика – абсолютная нежизненность, искусственность содержания. Начинаясь пошловатой стилевой формулой «Мороз крепчал ...», роман этот всякий раз противоречит всему, что происходит вокруг, в реальной жизни: «на кухне стучали ножам, и доносился запах жареного лука» [13, с. 317]. Невозможно поверить летом в то, «как это крепчал мороз и как заходившее солнце освещало своими холодными лучами и путника, одиноко шедшего по дороге» [13, с. 317]. Авторская ирония, возникающая в характеристике романа, написанного Верой Иосифовной, переносится на сами культурные штампы, выдаваемые обществом за изящество, высокие чувства, подлинную духовность.

Романы Веры Иосифовны становятся в рассказе символом того, чего не бывает в жизни, в противоположность реальным обстоятельствам, судьбам настоящих людей, и прежде всего самого Старцева. Хотя о содержании романов не сказано, отдельные намёки позволяют судить, что чеховская героиня, писательница-дилетант, пытается приукрашивать занятия благотворительностью, прекраснотушие и искусственность взаимоотношений героев: «молодая, красивая графиня устраивала у себя в деревне школы, больницы, библиотеки» [13, с. 317]. Изображению этого в романе противопоставлена жизнь и деятельность Старцева, человека одинокого и глу-

боко несчастного; это его настоящему существованию противопоставлены романы «о том, чего никогда не бывает в жизни» [13, с. 317].

Данный эпизод рассказа «Ионыч» связан с одним из повторяющихся чеховских мотивов осуждения так называемой «теории малых дел», призывавших интеллигенцию к участию в земском движении. Чехов относится к нему скептически, что отразилось в рассказах «Драма», «Дом с мезонином», «Учитель словесности», а также в пьесе «Дядя Ваня». Представление «романа в рассказе» в «Ионыче» раскрывает новую грань мотива, предполагает наиболее ироничное его раскрытие, что способствует окончательной дискредитации «филантропии», встающей за прекраснотушными образами Веры Иосифовны. Неискренность и нежизненность её «романов» косвенно отразились и в поведении её дочери, стали моделью для выражения чувства. Но в самый решительный момент эта искусственная модель приводит к разрыву. Когда после пережитой разлуки и собственных разочарований Котик обращается к Старцеву – «Какое это счастье быть земским врачом, помогать страдальцам, служить народу ...» [13, с. 330], – Старцев невольно чувствует в этих словах ложь и притворство, понимает, насколько они не соответствуют его настоящей жизни, и это окончательно отвращает его от мыслей о женитьбе, от надежды на любовь, от возможности изменить свою жизнь и вернуть в неё подлинные начала духа.

Размышления Чехова о соотношении индивидуума и семьи становятся ярким дополнением к сложившимся представлениям о форме и содержании рассказа «Ионыч». Показанная в

этом произведении душевная деградация главного героя происходит в постоянной соотнесённости с изображением семьи – это углубляет морально-психологическую проблематику рассказа, а также способствует раскрытию своеобразного поэтического приёма, позволяющего писателю вложить в краткую форму рассказа романное по своей сути содержание. Все сюжетные ситуации, все коллизии,

которые раскрывают историю персонажа, соотнесены с изображением его взаимоотношений с единственным семейством. Семья в рассказе «Ионыч» – и возможность размышлять об обществе и кризисе современной культуры, и та надежда на счастье, утрата которой и есть главная беда человека, обрекающая его на страдания и утрату себя в подлинном, а не вымышленном существовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бушканец Л.Е. А.П. Чехов и традиции европейского романа воспитания // Филология и культура. 2013. № 4 (43). С. 162–168.
2. Громов М. Книга о Чехове. М.: Молодая гвардия, 1993. 398 с.
3. Зайцева Т.Б. Концепт «любовь» в творчестве А.П. Чехова (для антологии «Художественные константы русской литературы») // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет имени Г.И. Носова, 2011. Вып. 3 (33). С. 705–710.
4. Катаев В.Б. Проза А.П. Чехова. Проблемы интерпретации. М.: Изд-во МГУ, 1979. 326 с.
5. Литовченко М.В. «Онегинский миф» в рассказе А.П. Чехова «Дом с мезонином» // Творчество А.П. Чехова: текст, контекст, интертекст: 150 лет со дня рождения писателя. Ростов н/Д: Логос, 2011. С. 181–186.
6. Макаров Д.В. Рассказ А.П. Чехова «Ионыч»: христианская интерпретация // Текст как единица филологической интерпретации: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Новосибирск: Немо-пресс, 2011. С. 136–142.
7. Осипова Н.О. Поэтика художественного времени в жанровой структуре прозы А.П. Чехова на рубеже XIX–XX вв. (1898–1903) // Жанр и композиция литературного произведения. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 1986. С. 133–138.
8. Савинков С.В. «Ordo amoris» в чеховской прозе: чужое: условия возникновения и существования // Памяти Анны Ивановны Журавлёвой. М.: Три квадрата, 2012. С. 575–597.
9. Сухих И.Н. Проблемы поэтики А.П. Чехова. Л.: ЛГУ, 1987. 184 с.
10. Ужегова С.О. Жанровые эксперименты Чехова в рамках рассказа // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 4 (126). С. 99–104.
11. Фрайзе М. Проза Антона Чехова. М.: Флинта Наука, 2012. 376 с.
12. Чехов А.П. Pro et contra. Творчество А.П. Чехова в русской мысли конца XIX – начала XX в. (1887–1914): антология / сост., предисл. и общ. ред. И.Н. Сухих. СПб.: РХГИ, 2002. 1072 с.
13. Чехов А.П. Собр. соч.: в 12 т. / под общ. ред. П.В. Ермилова и др. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. Т. 8. 576 с.
14. Чудаков А.П. Поэтика Чехова. Мир Чехова. Возникновение и утверждение. М.: Азбука-Аттикус, Азбука, 2016. 701 с.

REFERENCES

1. Bushkanets L.E. [A. Chekhov and the tradition of the European bildungsroman]. In: *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture], 2013, no. 4(43), pp. 162–168.
 2. Gromov M. *Kniga o Chekhove* [A book about Chekhov]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1993. 398 p.
 3. Zaitseva T.B. [The concept “love” in the works of A. Chekhov (for anthology “the Art constants of Russian literature”)]. In: *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]. Magnitogorsk, Novos Magnitogorsk State Technical University, 2011, no. 3(33), pp. 705–710.
 4. Kataev V.B. *Proza A.P. CHEkhova. Problemy interpretatsii* [Prose of A. Chekhov. Problems of interpretation]. Moscow, MSU publishing house, 1979. 326 p.
 5. Litovchenko M.V. [“Onegin myth” in the story by A. Chekhov “House with mezzanine”]. In: *Tvorchestvo A.P. CHEkhova: tekst, kontekst, intertekst: 150 let so dnya rozhdeniya pisatelya* [The work of A. Chekhov: the text, context, intertext: 150th anniversary of the writer]. Rostov n/D, Logos Publ., 2011. pp. 181–186.
 6. Makarov D.V. [The story of A. Chekhov “Ionych”: Christian interpretation]. In: *Tekst kak edinitza filologicheskoi interpretatsii: materialy vs Rossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Text as a unit of linguistic interpretation: materials of all-Russian scientific-practical conference with international participation]. Novosibirsk, Nemo-press Publ., 2011. pp. 136–142.
 7. Osipova N.O. [Poetics of the artistic time in the genre structure of prose of A. Chekhov at the turn of 19–20th centuries (1898–1903)]. In: *Zhanr i kompozitsiya literaturnogo proizvedeniya* [Genre and composition of a literary work]. Petrozavodsk, Petrozavodskii gosudarstvennyi universitet Publ., 1986. pp. 133–138.
 8. Savinkov S.V. [“Ordo amoris” in Chekhov’s prose: alien: the conditions of origin and existence]. In: *Pamyati Anny Ivanovny Zhuravlevoi* [In the Memory of Anna Ivanovna Zhuravleva]. Moscow, Tri kvadrata Publ., 2012. pp. 575–597.
 9. Sukhikh I.N. *Problemy poetiki A.P. Chekhova* [Problems of poetics of A. Chekhov]. Leningrad, LGU Publ., 1987. 184 p.
 10. Uzhegova S.O. [Genre experiments Chekhov in the context of the story] In: *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Samara State University], 2015, no. 4(126), pp. 99–104.
 11. Fraize M. *Proza Antona Chekhova* [The Prose Of Anton Chekhov]. Moscow, Flinta Nauka Publ., 2012. 376 p.
 12. Sukhikh I.N., compiler, editor. *A.P. Chekhov. Pro et contra. Tvorchestvo A.P. Chekhova v russkoi mysli kontsa XIX – nachala XX v. (1887–1914) : antologiya* [A. Chekhov. Pro et contra. Chekhov’s creativity in the Russian thought at the end of the 19th and beginning of the 20th century (1887–1914) : the anthology]. St. Petersburg, RKhGI Publ., 2002. 1072 p.
 13. Chekhov A.P. *Sobranie Sochinenii* [Collected works]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1962, vol. 8, 576 p.
- Chudakov A.P. *Poetika Chekhova. Mir Chekhova. Vozniknovenie i utverzhdienie* [The Poetics Of Chekhov. The World Of Chekhov. The emergence and adoption]. Moscow, Azbuka-Attikus, Azbuka Publ., 2016. 701 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кеклюдже Нури – аспирант кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета;
e-mail: kokluce_69@hotmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nuri Kokluce – postgraduate student at the Department of the Russian classical literature, Moscow Region State University;
e-mail: kokluce_69@hotmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кеклюдже Н. Индивидуум и семья в рассказе А.П. Чехова «Ионыч» (К вопросу о трансформации романного начала) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 1. С. 68-75
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-68-75

FOR CITATION

Kokluce N. The individual and the family in A. Chekhov's short story "Ionych" (on the transformation of the novel). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 1, pp. 68-75
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-68-75